

Цѣна въ Латвіи

50

САНТИМОВЪ

Для Франціи — 3 фр. 50 с.

Для Литвы — .90 центовъ

Въ Швейцаріи 0.80 шв. фр.

№ 8 (323)

18 февраля 1940 г.

VII-й годъ изданія

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Адресъ редакціи и конторы: Rīgā, (Latvijā), Lāčplēša ielā 15, dz. 12a.

Тел. 3-2-6-6-0.

„Счастье — через двести лет“

(КЪ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА)

1.

Всякий раз, когда заходит речь о Чехове, в моей памяти всплывает такая картина.

Целый ряд лет в усадьбе Орловской губернии. 1904 год, печальный для России. Гиб-то за тысячи верст наши сражаются с японцами, о которых у нас мнине самое пренебрежительное. Но ежедневно газетные листы пестрят именами убитых и раненых. Гимназисты младших классов, кажется, единственные патриоты. Они собирают открытки с портретами русских генералов и русских военных судов: Куропаткин, Стесел, Ливенцев, крейсер «Варяг», о котором потом проглотит на всю Россию, по всем его городским садам и гуляньям, ноющая и печальная музыка — «Гибель «Варяга». Молодежь только и говорит о войне, жалко проглатывает каждое событие с театра военных действий. Старшие, кого коснулась война, подавлены; а кого она не коснулась — как будто безразличны. Но это так кажется: какая-то надтреснутость есть у всех.

А целый ряд великодушных — с безмятежно убожавшимися лицами, золотыми ноздрями орловскими соснами, зеленой усадьбой типичной.

И в такой день на скамейке у дома, на самом поседобном солнце, была раскрыта только что получившая московская газета, и на первой ее странице большой портрет Чехова с сообщением об его кончине: гиб-то на немножко курорт. Помню впечатлительные нежности и сожаления, ибо Чехова у нас в том году было много читали, благодаря моему отцу, члену чеховской секции, яркость характеристик и умиление передавать сама неуловимая настроенность. Восторг его смерти вызвала, главным образом, удивление: писал человек такие простые вещи, казался неспособным к и, вдруг, его не стало. Только оборвалась струна.

И этот солнечный поседобный час, и поросший травой усадьбин двор, и большой портрет писателя, так внезапно скончавшегося в тревожная атмосфера русско-японской войны — слились в одно нераздельное впечатление.

С тех пор, пролетая многие годы, сокрушительно, безжалостно...

2.

Еще совсем недавно многим казалось, что чеховская эпоха в наше время не могут привлечь внимание. Кто старей теперь интересоваться «мнимыми» людьми, не убоющими утешаться в жизни и только мечтающими о счастье.

Привалятся, я сам, увидевши на своей пол-революции «Дядю Ваню» и «Чайку», испытывал откровенную скуку, несмотря на то, что в первой пьесе участвовал Качалов.

Но несколько лет тому назад, артист Московского Художественного театра Чехов, племянник, писателя, показал нам испещренную чеховских рассказов, и стало ясно, что вещи Чехова еще живы, что они могут вызывать сочувствие, возмущать, заставлять задуматься и в забытьи. Все зависит от правильного к ним подхода.

Несмотря на то, что Чехов жил и творил в совсем ином, резко несхожем с нашим, когда и люди, и быт, и настроение были другими — все же то-то есть в Чехове такое, что в наши дни привлекает к нему внимание. Чехов непонятен. Его читатель, его игрок. Его голошеники откидывают широко и широк. В последние годы в Советском Союзе заметить к нему повышенный интерес. Но еще любопытнее, что мы заинтересовались англичанами: в Англии у Чехова явились горячие поклонники среди публики и посольствами среди писателей. Вот особенно яркий пример: известная английская писательница Кэтрин Мансфилд, в последние годы жизни, встречаясь чуть-ли на каждой странице его повествования дневника. Мало того: она хотела даже

восстановить русского мальчика и назвать его Антоном в честь писателя.

3.

Что же в чеховском творчестве есть живого, ценного и для наших дней?

Каждый большой писатель всегда до определенной степени загадка. Мнине публики и критики часто противоречивы. Близкие современники и далекие потомки судят по-разному, замечая лишь одну из сторон и не видя другой. Полное суждение, близкое к правде, получается, если сопоставить взгляды современные и более поздние. О Чехове, особенно, мнине не хочется. Не раз высказывались о нем суждения враждебные. Но чаще слышались восхищения. Гиб-же правда?

Настоящий чеховский очень обильно и просто. Самые двадцать томов самого разнообразного содержания: шутки, анекдоты, рассказы, сценки, письма, путевые очерки; не считая писем, а они, как известно, не уступают лучшим его художественным вещам. Мало того: чрезвычайное разнообразие его тем, социальное положение и характеры его героев. Нить такой стороны русского быта, которого не коснулись бы чеховские перо. Поражает, прежде всего, это необыкновенное знание жизни, всякое его углубление и закоулки. Еще в молодости, в ранние студенческие годы, сотрудничая в «Юмористических журналах» «Стрелок», «Будильника», «Шутки», он выказывал себя большим знатоком быта. Это оказалось легко себя чувствовать, беру там из среды купеческой, мещанской, чиновничьей, духовной, крестьянской и так далее. Юмористический слогар: «3.000 иностранных слов», поминательный им тогда в основу из перечисленных юмористических журналов — свидетельствуют об его умении оригинально использовать свои жизненные познания. Мы здесь находим, например, такие определения: актер — истинный христианин, обладающий постю; субъект — ругательное слово и т. п. Сколько раз мы потом встречали в журналистике и рассказах подобные словосочетания, но кто знает, что инспирировал этого жанра был юный Чехов. А вот эти строки молодого Чехова, направленные к тем, у которых звучит рука из нисестальности: «Стать писателем очень трудно. Нить того урода, который не найдет в себе пару, и нить той чепухи, которая не наша бы себе подходящего читателя, а посему не робей... Када перед собой бумагу, бери в руки перо и, раздвигая лезвие мысли, строчи. Строчи о чем хочешь; о черепашьих, погоде, говорюворском квасе, Великом океане, часовой стрелке, прошлагодищем сибирь».

«Давая волю фантазии, придурки руку. Но давай ей плыть за количеством строк». Отвернувшись с ним и даже в тех же журналах печатались другие юмористы, и довольно талантливые, как Лейкин, например, но их юмориста давно забыты и теперь кажутся при чтении совсем архаичными, а чеховский юмор остался, хотя быт угас невообразимо. Строча эти совсем невинные рассказы, например, детские, где дядя вводит зятя-буффонада. Но вот, этот юмориста «Жалобная книга»: здесь уже чувствуется сатирическое жало — это маленький альбом типовых бытовых русских. В нем остро выражена скупость кошелька и быта и полнота житейской суетности. Каким-же невинным с виду, но жалкими мелочами: сценки «Канители» или «Тонкий и толстый», где задушило и сжато изображена комическая сторона чиновничества. Чехов почти никогда не скрывается по пустому, лишь бы только смутить. Всегда у него в основе рассказа самого шутилого есть серьезная жизненная завязка.

4.

И чем дальше, тем чеховский юмор дается глубже. В нем уже слышится горечь и сарказм. Возьмем «Скандинав на чужбине», где показан неурядица процветания старика-чиновника — отца семейства за посты классовой гимназии. Или рассказ «На чужбине», где

изображаются мучения отставного губернатора, обманного высунувшего за каждым обидом обидный слова болтливой скупящегося хозяйки. Это уже предвещает чеховской убоимы. Дальше она совсем исчезает. Рассказы становятся типично чеховскими: грустными, безнадёжными и беспощадно правдивыми, несмотря на чеховскую «мягкость», которую приходится теперь признавать мифом, приуменьшенным недостатком внимательной публики. Мягки, мякотные чеховские герои, но сам они — автор жестокий, зоркий, умиющий проникать в такие закоулки быта и души, куда раньше никто не проникал. Порою он превосходит дядюшкой и остротой дада Шедрина. Впечатление усиливается еще крайне простой, почти шути манерой изложения. Мало отступлений, мало лирики, а если она подается, то кажется взвешенной по уму, крайне расчитанной. Вот примрять эти серии таких вещей: студент — статистик убожает из усадьбы. Дочь хозяйки при прощании признается ему в любви. Он терпится, не знает, что ответить и чувствует, что сам губит свое счастье, но не может совладать со своей искренностью («Встреча»).

Взну бы таких рассказов Чехова видно несовременность жизни, где люди мучаются, несмотря на дарование, доброту и богатство, мучаются из-за неумения любить друг друга. И не только сами мучаются, но портят жизнь и другим. Какое-то слово должно было быть сказано, и оно было бы иначе, но сказать его не сумели и забыли, и все, пошло, пошло скверно. Из-за нелюбви, пошло, пошло, гибель семейная жизнь (рассказ «Назавтра»). Кстати, у Чехова нить удачной сжми: или музыка бывавши и тунны, или жены старинны и леткомиссанны. В одном рассказе умер чиниовник. Чехов, как врать, сиределяет причину его смерти так: «Собь умер от двух болезней, распространенных в нашем отечестве: от злой жены и алкоголизма».

Но в поздних чеховских рассказах, за исключением «Понурьганы», женщина — отрицательная сторона. Женщиной держится весь дом, но сама она — в рабстве; чаще всего это унизительное рабство («Видьма»), порой же возвышенное («Вьт путь»). Женщины, как и мужчины, не умеют сбросить с себя бытовых условий, они пылают по течению, она совершает порою подвиги, но они не выходят за пределы ее дома. Духовный порыв тратится на ничтожные цели.

Одним словом, все плохо в чеховском мире. Когда-то Гершель пустил удобную формулу: «Все существующее разумно». У Чехова — как раз наоборот. Даже красота, совершенство, у него вызывает только грусть («Красавица»).

5.

ПЬЕСЫ Чехова многим кажутся почти гротеском, вызваны неудовольствием медленностью действия и странностью персонажей. Но надо помнить, что из них, и только из них, мы знаем заочный чеховский взгляд на жизнь. Пьесы Чехова — самый безжалостный протест против 90-х годов, чуждому своему неумению не уметь жить, чуждому своему только красноречию. «Или пошути траур из своей жизни» — говорит героиня «Чайки». «Как мы всё сжро живем, как много говорим неумного» — восклицает Любовь Андреевна в «Вишневом саду». У этих людей нить крыльчат, чтобы подняться над обывательщиной.

Не сдают ли, полагаю, что чеховские пьесы могут быть понаты лишь русскому зрителю, оказывается, что из них настроение не чужды и западники. «Вишневый сад», поставленный в Вилье, привлек в восхищение писателя Петра Абдербера. Вот что он написал по этому поводу: «Всё эти люди, незнающие в жизни друг друга, не знают и самих себя. Многочисленные и близкий гуманный взгляд на всеобщую ложь. Но ничто не помогает... Врано, лжж, лжж, топкая пьеса, ватая из самой жизни» («Сумерки жизни»).

(Окончание на 19-й стр.)

„Счастье — через двести летъ“

(Окончание съ 14-ой стр.)

6.

НЕМЕЖА сказать, чтобы у Чехова совсемъ не было счастливыхъ людей; они есть, но счастье ихъ — въ ограниченности. Лопухинъ счастливъ, ибо ему доставляетъ удовольствие рубить старый садъ; Хрущевъ любить и защищаетъ дѣся; Варламовъ, изъ разсказа «Степь», нашелъ счастье въ сукняхъ шерсти. Оказывается, что помимо шерсти и дѣся нѣтъ у Чехова счастья. Да откуда-же ему и быть! Вотъ какъ отзывается одинъ изъ чеховскихъ героев о движущей жизни силѣ, обь интеллигенции:

«Ничего не дѣлаютъ, не ищутъ, учатся плохо, серьезнаго ничего не читаютъ, о наукѣ только говорить, въ искусствѣ понимаютъ мало».

А что-же дѣлаютъ сами эти сознательные герои, такъ критически относящиеся къ своимъ ближнимъ? Тоже ничего. Зато они «смыло рѣшаютъ вопросы, оттого что не болѣли ими». Это — резонеры предреволюціоннаго времени. Чеховъ подмѣтилъ ихъ особенность красно говорить о томъ, чего не понимаютъ. И снова Чеховъ, какъ врачъ, ставитъ диагнозы своимъ героямъ и какъ будто каждому изъ нихъ говорить: Нездоровъ. Счастье черезъ 200 лѣтъ.

7.

ОТЧЕГО же нѣтъ у Чехова счастливыхъ? Оттого, что нѣтъ сильныхъ духомъ. Нѣтъ двигателей жизни. Чеховъ не нашелъ сильнаго человѣка. Тогда его выдумалъ Максимъ Горькій. Это — знаменитый горьковскій босякъ, скоро, впрочемъ, оказавшійся не человѣкомъ, а схемой. Ничего положительнаго онъ съ собой не принесъ. Резонерствовалъ, развасялся на солнцепекѣ и сплевывая въ сторону, клеймилъ мѣшанство, пѣлавъ что-то гордое о соколахъ, но такъ же, какъ и чеховскій герой, онъ ничего не дѣлалъ. И скоро былъ снятъ со счетовъ.

Но нужно же найти выходъ изъ безсмыслицы. Этого выхода столѣтія искалъ русскій человѣкъ. Въдъ онъ исходилъ всѣ русскія дороги въ

одеждѣ странника - богомольца, искателя Бога, собирателя на храмы. Чехова такой выходъ не удовлетворялъ - бы. Чеховъ — писатель трезвый. Гдѣ же чеховское рѣшеніе вопроса? Оно — въ плоскости культуры, культурной работы. Вотъ въ чемъ чеховскій пафосъ. Попробуйте оцѣнить чеховское творчество черезъ крупное критическое сито: многое проскользаетъ, но основное останется: скорбь о верадиныхъ, медлительныхъ, лѣнивыхъ, гибнущихъ въ мелкихъ дрязгахъ, растрчивающихъ свои духовныя богатства и незамѣчающихъ духовныхъ богатствъ своихъ ближнихъ и окружающей природы. Настроение — вотъ что больше всего ранитъ Чехова. Какъ врачъ, позитивистъ, онъ во всемъ хочетъ рациональности, хозяйственности, но не бездушной, а одухотворенной. Но до этого еще далеко. Еще Лопухинъ тупо рубить вишневый садъ, еще Варламовъ скупаетъ шерсть, еще въ этихъ слѣпыхъ актахъ не замѣчается широкой сознательной мысли, а лишь физическое дѣйствіе, но и это уже шагъ впередъ. Но Чеховъ знаетъ, Чеховъ вѣритъ, что настоящее счастье придетъ. Люди еще не проснулись. Но уже ждетъ природа, она изнемогаетъ отъ ожидания сильныхъ людей. Чеховъ одинъ изъ многихъ русскихъ писателей неслучайно этотъ стонъ родной природы. Въ замѣчательной ранней повѣсти «Степь», которая такъ понравилась художнику Врубелю, есть такое мѣсто. «И въ торжествѣ красоты, въ изгнѣннѣ счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство ея и влохновение гибнутъ даромъ для міра, нѣкътъ не воспытѣ, никому не нужны, и сквозь радостный гулъ слышны ея тоскливыя безнадѣжный призывы: Пѣвца! Пѣвца!»

Позднѣе, въ очеркахъ «По Сибири», Чеховъ подхватываетъ снова свою основную тему:

«Пускай Волга парадная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучій, неустовый богатырь, который не знаетъ куда дѣвать свои ол-

и молодость. На Волгѣ человекъ началъ удаляю и кончилъ стономъ, который зовется пѣснью... На Енисей же жизнь началась стономъ, а кончится удаляю, какая намъ и не снизась».

«Я стоялъ и думалъ: какая полная, умная и рѣзкая жизнь осветить со временемъ эти берега».

Стонетъ стена, стонутъ великія русскія рѣки отъ избытка силы и красоты. Усмыслилъ — бы только человекъ ихъ призывъ. Чеховъ вѣритъ, что онъ услышитъ и начнетъ жить въ единомъ ритмѣ съ величавыми зовами своей прекрасной родины. Гдѣ же Чеховъ нытикъ? Его нѣтъ и не было. Его выдумала невнимательная читательская аудитория. Она смѣшала автора съ его героями — что она часто дѣлаетъ.

Чеховъ — великій будущникъ, футуристъ. Онъ вѣритъ въ грядущее счастье.

8.

Для того, чтобы вполне понять Чехова, нужно не знать, какъ онъ работалъ. Записныя его книжки, нѣкоторые его обмолвки пріоткрываютъ вѣдь надъ его писательской мастерской. И вотъ мы знаемъ, что писалъ онъ методически, разбѣрено, безъ запоя, отличаясь этимъ отъ другихъ писателей. Въ общемъ, онъ былъ на рѣдкость спокойный писатель. Тщательно взвѣшиваетъ онъ каждую фразу, каждое слово. Ему незнакома горячка, пылкая вихновенность, какія испытывали авторы типа Гоголя и Леонида Андреева. Главная его забота была: поменьше словъ, никакой вычурности и красоты. Недаромъ онъ такъ вышучивалъ дамское писательство, многодневное, конфетное, съ синими вечерами, принцами, принцессами, жгучими итальянцами, замками и т. п. Простота и выразительность. Былъ это — исконный и вызванный русскіхъ писателей, начиная съ Пушкина.

Разсказы молодого Чехова, какъ это замѣтилъ еще В. Шкловскій, представляютъ явленіе совсѣтъ новое въ русской литературѣ. Въ нихъ богатый сюжетъ и очень живой діалогъ, а въѣ много русскіхъ писатели ни тѣмъ, ни другимъ не отличались. Взяли въ описаніяхъ, разсужденіяхъ.

Наибольшимъ сюжетнымъ совершенствомъ отъ

личаются чеховскіе «Пестрые разсказы», гдѣ сюжетная изобрѣтательность и экономія средствъ — изумительныя. Здѣсь, дѣйствительно, нѣтъ ничего лишняго. Какое — бы лицо и предметъ ни были введены въ разсказъ, они нужны для разсказа и дѣйствуютъ въ подходящій моментъ. «Ружье должно выстрѣлить» — по словамъ Чехова.

Позднѣ Чеховъ пошелъ по традиціонному пути русской литературы — выискивалъ разсказъ описаніемъ, дѣйствіе внѣшнее превращалъ въ дѣйствіе внутреннее, психологическое. Но словесная разборчивость не только осталась та же, но еще и обострилась. Однимъ словомъ, рациональность, хозяйственность паритъ и въ формѣ чеховскихъ вещей, какъ и въ его идеологіи. Все должно быть ладно построено и до конца использовано. Какъ Чеховъ умѣлъ пѣлесообразно использовать свои наблюденія, видно хотя бы изъ его разсказа «Поленька», гдѣ онъ щекоплетъ знаніемъ мануфактурныхъ терминовъ и приказничьяго языка.

Ранніе чеховскіе разсказы пріготовляютъ будущаго драматурга.

9.

Только теперь станется яснымъ, что тема России — родины была заветной чеховской темой. Нимѣшнее вниманіе къ Чехову объясняется этимъ, а также его удивительной правдивостью и рациональнымъ использованием писательскихъ средствъ. Идеологически Чеховъ — на традиціонномъ пути русской литературы, никогда не мирившейся съ существующимъ, всегда жаждавшей лучшаго. Надъ величайшей русской равниной вѣками носился духъ, испытующій жизнь, болѣвший туниками цивилизаціи. Этотъ мятежный голосъ не дастъ покоя, не дастъ забвенія.

Читать Чехова нужно не для наслажденія, онъ его не всегда даетъ, нужно читать его для самопознанія и покаянія. Здѣсь не только вскрыты наши русскіе грѣхи и даны, по отчасти и всего міра, поразжающего все болѣе и болѣе въ цивилизаціонномъ ликадрствѣ.

Чеховскіе вопросы не могутъ остаться безъ отвѣта, и на нихъ отвѣчаютъ, читая его и перечитывая.

ВИКТОРЪ ТРЕТЬЯКОВЪ